

IX Грушинская социологическая конференция. Пленарное заседание.

«Россия - страна возможностей?»

<...>

Ведущий: И наша группа исследователей также не была бы полной, если бы не специалист по экстремальной социологии Сергей Хайкин. Сергей Романович, все помнят Ваши потрясающие социологические исследования Чеченской Республики, а сегодня Вы работаете советником руководителя Федерального агентства по делам национальности, и сами, очевидно, выполняете роль социального инженера. И вопрос к Вам: насколько власть сейчас использует результаты исследований, или это все-таки какое-то коммодити и правило хорошего тона замерять? Насколько эти исследования важны, нужны?

Хайкин Сергей: Спасибо. Уважаемые коллеги, позвольте вам предложить несколько тезисов об исследованиях и консалтинге в зонах повышенного социального напряжения. У меня ощущение, и подтвердили это предыдущие выступления, что в перспективе нас ждет увеличение таких зон. Это не обязательно экстремальная социология, за последнее время, слава богу, таких ситуаций у нас оказывается все меньше и меньше, но вот зон повышенного социального напряжения сейчас достаточно, и я думаю, будет еще больше. Вы упомянули исследование в Чеченской Республике, которому уже почти 20 лет, и справедливости ради нужно сказать, что этого вообще могло бы не быть, и могло бы не случиться, если бы не Александр Анатольевич Ослон, который в свое время объяснил государственному заказчику, зачем ему это нужно. Узнав о том, что у нас есть некоторый опыт в этой области, и после этого началась серия этих работ. Что произошло? Дальше произошла ситуация, о которой может мечтать только любой социолог. Мы попытались услышать и понять чеченский народ, убедились в ложности преобладающих тогда впечатлений, представлений. Обнаружили, что есть реальная основа для интеграции, а непримиримых оказалось меньшинство. И затем была скорректирована государственная политика. Вот, собственно говоря, произошло внедрение. Вот то, что мы сейчас обозначили термином «социальная инженерия», было внедрение результатов исследований, в том числе под влиянием информации об общественном мнении. Только нужно помнить, и это очень важно, что общественное мнение – лишь один из источников информации, которым располагает государственный заказчик. У него гораздо больше источников, поэтому абсолютизировать наши данные ни в коем случае не нужно.

Для того, чтобы эффективно работать в зонах повышенного социального напряжения, нужны определенные процедуры, правила, принципы, которые нами были сформулированы и продолжают развиваться и поныне. Вот несколько тезисов.

Первое – планируя исследование в национальном или в региональном масштабе, необходимо настроить систему на выявление зон повышенного социального напряжения. Сегодня наша система настроена на то, чтобы пропускать такие зоны. Сама методология такова, что мы пропускаем эти зоны. Даже, представьте себе, глобальные мегапроекты, в которых 60-80 тысяч человек по стране опрашивается, это слишком крупная ячеистая сеть для нашей огромной страны, чтобы уловить относительно небольшие группы потенциально

конфликтогенные. Я приведу такой пример: если мы проводим опрос в Крыму, а в последнее время в Крыму проводятся многочисленные опросы, то 12-13%-ное крымско-татарское население в этих опросах, если специально не нормировать, представлено 4-6%. Мы просто вообще не слышим голоса крымских татар. Точно так же мы не услышим в Туве голоса русских, а это и там, и там конфликтные, потенциально конфликтные группы, группы повышенного напряжения, которые нужно изучать специально. Значит, большинство конфликтных зон известны, они имеют исторические корни. И не обязательно их должны социологи выявлять. Но конфликты возникают постоянно новые, они возникают в разных местах, и наша, безусловно, задача – подготовить систему к тому, чтобы мы могли анализировать эти конфликты. Вот мы в Федеральном агентстве по делам национальностей ФАН России специально резервируем ряд мощностей, чтобы работать вот с такими, возникающими, спонтанно возникающими конфликтными ситуациями.

Вторая вещь, как в политике, так и в социологии мы все время бьем по хвостам, мы реагируем уже на случившееся. И это очень нехорошо. Т.е. сначала из-за отсутствия коммуникации создается конфликтная ситуация, потом мы с трудом ее успешно или менее успешно пытаемся разрешить. А очевидно, у власти есть потребность увеличивать оперативность исследований. И все время нас стимулируют к тому, чтобы увеличить оперативность. Уже исследования из раз в месяц, раз в неделю стали теперь ежедневными исследованиями, мы все равно никогда не успеем за бурным развитием кризисной ситуации. Потому что общественное мнение работает с запаздыванием. Сама природа общественного мнения такова, что оно не может отреагировать немедленно. И даже если мы сделаем два раза в день какие-то опросы, это все равно, что стареющая блондинка, постоянно подглядывающая в зеркало, которая смотрит, остались морщинки или пропали эти морщинки. Ничего, изменений каких-то не будет происходить.

Выход мы нашли из этой ситуации в создании общероссийской экспертной панели, с оперативной обратной связью. Эксперты – это самые знающие, умные и мудрые люди, и мы создали такую панель, это 850 человек по всей стране, мы имеем с ними постоянный контакт, и, например, совсем недавний кризис, нарастающая конфликтная ситуация в Крыму, когда был выпущен учебник истории Крыма для 10 класса, который вызвал возмущение крымско-татарской общественности, информацию мы стали получать, конечно же, от наших экспертов, причем не просто «да, нет, что может что-то произойти», а аргументированную, серьезную, с анализом, и это очень помогло для оперативной работы, для разрешения этого конфликта. Сейчас, я не знаю, следите ли вы за ситуацией, этот учебник просто пустят под нож, потому что в нем со ссылками на эсэсовцев и на НКВД рассказывалось о преобладающем коллаборационизме крымских татар, и автор этого учебника, вне зависимости от того любят они историческую правду или не любят, они объединили, они соединили крымско-татарский народ, те, кто вполне лоялен России, и так называемую меджлисовскую публику. Объединили в этой общей неприязни вот такого о себе ощущения. Значит, поэтому, нам нужна служба быстрого социологического реагирования.

Третий тезис: государственный заказчик, используя весь объем имеющейся информации, безусловно, должен стремиться вывести социолога в точку потенциального конфликта. Я

могу вам привести успешный пример такой работы за последнее время. Таким образом, например, мы стали работать в Ингушетии, где стал возникать и нарастать активно конфликт после подписания соглашения об установлении границы между республиками Ингушетия и Чеченской Республикой. Наряду с количественными исследованиями, которые многого дать не могли, они скорее могли дать общее настроение, потому что Сергей Владиленич совершенно верно сказал: когда кризис, люди просто не отвечают, они уходят от ответов, и мы опрашиваем только тех, кто хочет с нами поговорить. А хотят с нами поговорить, как правило, более лояльные, потому мы и не ловим в прогнозах ничего. Так вот, наряду с таким соломенным, как бы мы сказали в прежние времена, количественным исследованием, мы провели там различную серию методов понимающей социологии, весь набор качественных методов, когда была подробно обсуждена ситуация с лидерами митинга, практически со всеми, с руководителями республики. Мы их услышали.

Вы зададите вопрос: «а чем же социальная инженерия, социологическая инженерия, а чем же это отличается от того, что они могли встретиться и вести какие-то переговоры?» Вот как раз дело в том, что у нас уникальные методы. Когда мы собирали гомогенные группы лидеров митинга или гомогенную группу, которая сложилось около муфтията Ингушетии, мы, как и принято в нашей методологии, за счет интеракции мы возвысились, мы вышли на какие-то решения, которые можно было бы предложить обществу. То же самое было проведено, когда мы работали с руководством республики. И в итоге получилась некая дорожная карта, некие рекомендации. Ушел ли этот конфликт в прошлое? Нет, он остался. Но я, тем не менее, считаю, что это успешный пример, потому что власть и различные силы, участвующие в этом конфликте, вполне выполнили свою миссию. Мы честно, без каких-то экивоков рассказали всем сторонам об общественном мнении, о том, что случилось, и помогли тем самым разрешению этого конфликта. Это вполне может быть приведено в качестве положительного примера. Но часто бывает так, что государственный заказчик просто не в состоянии сформулировать проблему, он не может или, более того, не хочет формулировать проблему. Потому что в силу своей природы власть скорее настроена на то, чтобы сохранять существующее, а не изменять. Для этого и существуют общественные институты, в том числе общественное мнение, и наши опросы. Потому что власть может формулировать задачу как «ты, социолог, скажи, чтобы нам такое сделать, чтобы ничего не менять». Что им сказать? Как их уговорить? И у нас появляется категория людей, которые вполне всем довольны, и вот такая категория якобы это желаемое. На самом деле это не так. Я бы такую формулу привел: **социальная инженерия – это совсем не то, что социологический ботокс**. Вот мы не социологический ботокс, мы должны изучать явление, мы должны изучать причины, почему нехороший цвет лица, почему появились морщинки, что лежит в основе тех или иных событий. А заказчик часто может даже не формулировать ту или иную проблему. Я вам приведу пример с тем же самым Крымом. Мы уже в течение трех лет очень внимательно наблюдаем за ценностными ориентациями, потребностями, интересами, настроениями крымских татар. Это инициативный проект. И вот очень важная задача, если государственный заказчик сам не в состоянии сформулировать проблему, чтобы у социолога была возможность, чтобы механизм был такой, чтобы было к кому прийти и

предложить проект. Ты не видишь, а я вижу. И, пожалуй, самые интересные мои работы за последнее время – это инициативные проекты. Мы сейчас провели работы, которые позволяют нам очень хорошо понимать крымских татар, разных людей. Представьте, что это планшетные опросы на языке. Мы собрали интервьюеров – крымских татар. И они белинговые, они предложили работать на своем языке, и мы надеемся, что мы действительно почувствовали людей. Есть обратная сторона у инициативного проекта – поскольку он инициативный, он вне системы. Труднее потом с внедрением. Когда тебе заказали, мы получили результаты, внедрение. Когда это инициативный проект, он не встроен в механизм принятия решений. И вот, например, сегодня по той же ситуации с крымскими татарами я постоянно наблюдаю, что наши рекомендации не идут в работу. Власть любит отчитываться миллиардами, которые потрачены, мост построен, электростанции и т.д., а людям нужно, чтобы их полюбили. И в этом отношении, например, тот же самый ханский дворец, который мечтают крымские татары восстановить, его восстановление и создание культурного комплекса вокруг него, было бы, может, для них гораздо более важной и значимой вещью, чем миллионы, которые потрачены на что-то другое. Из-за недостатка времени, я не буду долго уделять внимание каким-то другим тезисам, о которых я хотел сказать, но просто коротко об одном, и это очень важно. Мы в последнее время совсем закрылись, мы перестали быть открытыми, нам нужно публиковать результаты даже нелицеприятные. Мы узнаем и прячем. В прессе постоянно «секретное исследование, закрытое исследование», мы боимся себе навредить, а поэтому не публикуем, значит, мы не рассказываем общественному мнению о том, что происходит. И это отрицательно, в конечном счете, сказывается на нашем взаимодействии. Вопрос, который Вы мне поставили, звучал так: достаточно ли сегодня государство при принятии решений учитывает результаты исследований и влияют ли они на реальную политику? Ну да, влияют, но как в наших анкетах я бы ответил про свою удовлетворённость – скорее нет, чем да. Но для того мы и собрались на эту конференцию, с таким представительным составом, я надеюсь, что нам сегодня удастся очень много важных и интересных вещей обсудить. И вот то сближение, которое наметилось между властью и нашим профессиональным сообществом, станет действительно гармоничным союзом, который приведет к хорошим результатам, спасибо.